**ЛУШНИКОВА
Ольга Леонидовна**

Кандидат социологических наук, старший научный сотрудник

Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, ул. Щетинкина, 23, Абакан, Россия, 655017

**LUSHNIKOVA
Olga Leonidovna**

PhD in sociology, senior research fellow

Khakass Research Institute of Language, Literature and History, 23, Shchetinkina Street, Abakan, Russia, 655017

oltolt@mail.ru

УДК 316.334.56

**МОНОПРОФИЛЬНЫЕ ТЕРРИТОРИИ
ХАКАСИИ: СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ
НАСЕЛЕНИЯ**

В статье представлено исследование социального самочувствия населения моногородов и столицы Республики Хакасии. Статья основана на материалах социологического опроса, который проводился в 2018 г. в городских поселениях республики. Оказалось, что жители моногородов отличаются более позитивным эмоциональным настроем и более удовлетворены своей жизнью, но наряду с этим заметно хуже оценивают экономическую ситуацию, деятельность органов власти и работу местных учреждений. Несмотря на это, население моногородов выражает довольно оптимистичные ожидания относительно своего будущего, однако по сравнению с населением региональной столицы отличается низкой социальной активностью, что, скорее всего, является показателем низкого социального самочувствия.

Социальное самочувствие, моногород, городское население, Хакасия

**SINGLE-INDUSTRY TOWNS OF KHAKASSIA:
SOCIAL WELL-BEING OF THE POPULATION**

The article explores the social well-being of population of single-industry towns and the capital city of Khakassia. The article is based on the materials of a sociological survey of 2018 in urban settlements of the region. Population of single-industry towns is more positive emotional mood and, in general, they are more satisfied with their lives. At the same time, the population of single-industry territories has lower assessment of economic situation, of authorities and local institutions and departments. Despite this, residents of single-industry towns express optimistic expectations for their future. However, comparison with the population of regional capital city revealed the lower social activity of residents of single-industry towns, which is most likely an indicator of low social well-being.

Social well-being, single-industry town, urban population, Khakassia

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект «Социальные проблемы моногородов Хакасии: факторы, динамика, поиск решений», грант № 19-49-190001 p_a.

© Лушников О.Л., 2020

Постановка проблемы

В современных условиях развитие урбанизационных процессов преимущественно проявляется в крупных городах. В монопрофильных территориальных образованиях наблюдается иная ситуация. Снижение объёмов производства, ликвидация градообразующих предприятий, повышение уровня безработицы, изношенность объектов социальной инфраструктуры, отток молодого и трудоспособного населения – всё это приводит к постепенному «затуханию» монопрофильных территорий. Вместе с тем моногорода играют важную стратегическую роль в социально-экономическом развитии страны. Градообразующие предприятия монотерриторий обеспечивают более половины добычи нефти, газа, угля, продукции чёрной и цветной металлургии и т.д. [8, с. 17]. Функционирование предприятий препятствует оттоку квалифицированных специалистов и в целом способствует сохранению населения монопрофильных территорий. Однако в кризисные периоды моногорода становятся крайне опасными очагами социального взрыва, проявляющегося в открытых акциях протеста, недовольстве существующей местной и федеральной властью, в падении доверия населения к социальным и политическим институтам страны [8, с. 18]. В этой ситуации крайне важным представляется отслеживание изменений социального самочувствия населения монотерриторий с целью предотвращения открытых конфликтов и сглаживания социальной напряжённости. Фокус данной статьи направлен на сравнительный анализ социального самочувствия населения в монопрофильных и немонопрофильных территориальных образованиях Республики Хакасия.

Теоретико-методологические основы исследования

В научной литературе до сих пор не сложилось однозначного подхода к определению социального самочувствия, и вряд ли таковой сложится. Социальное самочувствие относится к тем социальным явлениям, природа которых многогранна и множественна в своих проявлениях. Множество трактовок в рамках разных научных дисциплин приводит к синкретичности и размыванию границ понятия «самочувствия», что затрудняет формулирование единого подхода. Представленный в данной статье подход не претендует на всеохватность, но ограничивается преимущественно социологическим подходом к исследованию этого социального феномена.

Конечно, трудно определить самочувствие без обращения к психологическим основаниям, так как оно прежде всего связано с внутренним состоянием человека. Например, Л.В. Кашкина рассматривает социальное самочувствие как некую обобщающую характеристику внутреннего ощущения комфортности психологического и соматического состояния индивида [5, с. 43]. Другие исследователи связывают социальное самочувствие с субъективно-ценностным определением личностью своего состояния в различных областях своей жизнедеятельности [3, с. 2535]. Самочувствие отражает целостное восприятие человеком всей его жизни, а не ограничивается какой-то одной сферой его жизнедеятельности (пусть и доминирующей).

На формирование самочувствия оказывают влияние разные факторы. Например, отмечено, что объективные показатели могут являться основой субъективного мнения людей [3, с. 2535]. Однако С.А. Шавель и Л.П. Галич полагают, что социальное самочувствие отражает состояние самого социума, в котором живёт индивид [11, с. 84]. Н.Я. Крупец рассматривает самочувствие как интегральный показатель социальной адаптации населения к реформам [6, с. 143]. Эта точка зрения является довольно распространённой. С.О. Лебедева и М.О. Пучкова полагают, что социальное самочувствие можно рассматривать как обобщённый индикатор реакции населения на социальные преобразования [7, с. 34].

Безусловно, самочувствие формируется под влиянием внешних условий жизнедеятельности: уровня развития экономики, политической ситуации, состояния экологии и т.д. Однако «измерить» силу влияния объективных условий на самочувствие сложно, поэтому при его оценке целесообразно ориентироваться на то, каким образом внешняя среда проецируется во внутренний мир. Прежде всего объективные условия жизнедеятельности находят отражение в удовлетворённости человека потребностями. Поэтому самочувствие зависит от здоровья, обустроенности семьи, жизни и быта, от характера и качества включённости в социальную жизнь во всех её сферах, от степени удовлетворённости социальными благами [9, с. 46]. При социологическом измерении важны самооценки материального положения по сравнению с положением окружающих, степени удовлетворённости своим положением в обществе, анализа представлений о собственном материальном положении по отношению к окружающим через определённое время [2, с. 60]. Некоторые исследователи к показателям социального самочувствия, помимо прочего, относят жизненные ценности, индивидуальную и социально-политическую активность личности [1, с. 49].

Исследование самочувствия на уровне отдельного человека актуализирует проблему сведения социального самочувствия к сумме индивидуальных самочувствий. С одной стороны, сложно судить об общем самочувствии социума исходя из суммирования совокупности отдельных самочувствий. Ведь самочувствие разных людей (даже со схожими характеристиками и в одних и тех же условиях) может значительно различаться. Однако для разрешения этой методологической проблемы мы будем следовать подходу, в соответствии с которым под социальным самочувствием понимается синтез самочувствий индивидуальных – по принципу доминирования, законом связи которых в рамках целостности выступает релевантность их относительно общественных условий жизнедеятельности данного конкретного сообщества – коллектива, группы, класса, населения всей страны [11, с. 84].

Обобщая вышесказанное, сформулируем следующее определение социального самочувствия – это комплексный показатель, отражающий социально-психологическое состояние социума, степень удовлетворённости основных потребностей (в том числе удовлетворённость внешними условиями) и ожидания относительно ближайшего будущего. Следуя этому определению, выделим основные индикаторы социального самочувствия:

1. Эмоциональное состояние: общее настроение, состояние здоровья, общая удовлетворённость жизнью.
2. Оценка таких внешних условий, как экономическая ситуация, деятельность органов власти, работа различных структур.
3. Удовлетворённость материальным положением, жилищными условиями, работой, отношениями в семье, своим здоровьем, возможностями удовлетворения культурных потребностей и безопасностью.
4. Ожидания относительно будущего: общая уверенность в будущем, оценка возможности улучшения собственного материального положения, оценка возможности улучшения экономической ситуации.

Эмпирическая база исследования

Эмпирическую базу исследования составили материалы социологического опроса, который проводился в 2018 г. во всех городских поселениях Хакасии. Общая выборочная совокупность составила 1 000 человек. Однако при подготовке данной статьи использовались результаты опроса 224 жителей монопрофильных территорий (г. Абаза, г. Саяногорск, г. Сорск,

г. Черногорск, рп. Вершина Теи – все включены в «кризисный перечень» монотерриторий России) и 224 жителей немонопрофильных территорий (г. Абакан) ($n = 448$). Опрос проводился посредством формализованного интервьюирования по месту жительства (население в возрасте от 18 лет и старше).

Для определения социального самочувствия использовалась следующая методика. Вычислялись отдельные показатели для каждого индикатора. Например, для оценки внешних условий вычислялись такие показатели, как состояние экономической ситуации, деятельность органов власти и различных учреждений, ведомств. Вычисление отдельного показателя производилось по следующей формуле:

$$\frac{(2A + B) - (C + 2D)}{n},$$

где A – количество положительных ответов (отлично), B – количество относительно положительных ответов (хорошо), C – количество относительно отрицательных ответов (удовлетворительно), D – количество отрицательных ответов (плохо), n – количество ответивших на вопрос.

После вычисления аналогичным способом ряда соответствующих показателей высчитывалось среднее арифметическое значение по каждому индикатору. Также использовался регрессионный анализ и анализ корреляций (по Пирсону).

Результаты

В Хакасии к монопрофильным территориям отнесены 4 города, 1 рабочий посёлок и 1 село (*табл. 1*). Единственный город, не включённый в списки монотерриторий, – столица региона (г. Абакан), где сосредоточено 48,5% городского населения. Поскольку на моногорода приходится примерно такой же удельный вес населения, для сравнения в качестве немонопрофильной территории был выбран г. Абакан.

Таблица 1

Численность населения монопрофильных территорий Хакасии

Монопрофильные территории	Численность населения, человек	Удельный вес от городского населения, %	Удельный вес от всего населения региона, %
г. Абаза	15 149	4,1	2,8
г. Саяногорск	46 709	12,5	8,7
г. Сорск	11 308	3,0	2,1
г. Черногорск	75 042	20,1	14,0
рп. Вершина Теи	3 057	0,8	0,6
с. Туим	3 488	0,9	0,7
Итого	154 753	41,4	28,9

Источник: Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2019 года / Федер. служба гос. статистики. М., 2019. С. 229.

Согласно полученным результатам, большинство опрошенных достаточно позитивно оценили своё эмоциональное состояние, особенно проживающие в моногородах республики (рис. 1). Респонденты чаще характеризовали своё настроение как оптимистичное или просто спокойное, а состояние здоровья – как хорошее («ничего не беспокоит», «болею, но редко»). При этом эмоциональный настрой положительно коррелирует с общим отношением к жизни (значение коэффициента связи по Пирсону 0,238**). Согласно ответам почти половины опрошенных в моногородах, их всё в жизни устраивает («принимаю и хорошее, и плохое»), вероятно, этим объясняется и высокий уровень удовлетворённости жизнью. Но наряду с этим такую позицию можно воспринимать как отсутствие стремлений к улучшению своей жизни. Кроме того, более трети (35,3%) жителей монотерриторий вообще выразило пессимистичное («я не хочу и вряд ли смогу что-то изменить к лучшему») или даже индифферентное отношение к жизни («всё устроится само собой», «будь, что будет»). Только 16,1% опрошенных согласились, что жизнь полна трудностей, но они готовы прилагать все силы, чтобы она стала лучше. Другими словами, позитивное эмоциональное состояние жителей моногородов скорее связано с принятием имеющихся условий (фактически, они довольствуются тем, что есть), а не с социальной активностью населения монотерриторий.

Рис. 1. Индикаторы социального самочувствия населения монопрофильных и немонопрофильных территорий Хакасии

Источник: расчёты автора.

Среди проживающих в Абакане эмоциональное состояние, также как и уровень общей удовлетворённости, немного ниже. Меньше всего респонденты удовлетворены своим материальным положением, жилищными условиями и работой. Конечно, жизнь в столице обходится «дорого» (в том числе жильё), а больше трети (34,8%) опрошенных проживает именно в съёмном жилье (в моногородах арендуют жильё только 12,5%). Из-за расходов на оплату жилья значительно сокращаются статьи расходов, связанных с удовлетворением других потребностей (например, досуга). Рынок труда в столичном городе, конечно, более широкий, но и конкуренция заметно выше. Низкая удовлетворённость работой, возможно, связана с несоответствием уровня образования опрошенных характеру труда по месту их трудовой деятельности. Оказалось, что 40,9% работающих респондентов с высшим или незаконченным высшим

образованием занимаются неквалифицированным трудом – офисные работники, продавцы-консультанты, разнорабочие и т.д. (в моногородах таковые составляют 31,8% опрошенных). Вместе с тем доля респондентов, которые готовы прикладывать усилия для улучшения своей жизни, больше, чем в моногородах, и составляет почти четверть (24,6%). Кроме того, среди неработающих жителей Абакана только 2% (от ответивших) сказали, что не работают просто потому, что не хотят; тогда как среди проживающих в монотерриториях таковых почти треть (30,4%). Можно считать, что невысокая удовлетворённость (и потому менее позитивный настрой) жителей региональной столицы в какой-то мере служит иницилирующим фактором в их стремлении к лучшей жизни в отличие от населения моногородов.

Социально-экономическая ситуация в монопрофильных территориальных образованиях очень сложная. Согласно общероссийским данным, уровень реальной безработицы в отдельных моногородах доходит до 30%, в то время как средний уровень безработицы в России не превышает 7,0–7,5% [10, с. 14]. Проблема безработицы стоит на первом месте как среди жителей монопрофильных территорий Хакасии (59,4%), так и среди жителей столицы республики (64,2%). Второй наиболее острой проблемой для жителей моногородов является общий упадок промышленности и сельского хозяйства (50%); среди опрошенных жителей Абакана эта проблема занимает лишь четвёртое место (24%). На третьем месте среди наиболее актуальных проблем для жителей моногородов – низкий уровень жизни (37,1%), причём хуже всего опрошенные оценивают состояние дорог, работу ЖКХ и учреждений здравоохранения.

На государственном уровне разрабатываются различные программы, нацеленные на повышение уровня и качества жизни в моногородах. Вместе с тем существует мнение, что национальные проекты и федеральные целевые программы не решают наболевшие проблемы, а консервируют их [1, с. 54]. Работу органов власти различных уровней население монотерриторий преимущественно оценивает как удовлетворительную или даже плохую. Небольшое исключение – Президент РФ, деятельность которого была оценена немного выше по сравнению с другими властными инстанциями. Проживающие в столице региона оценили работу Президента РФ тоже достаточно высоко, однако дали отрицательную оценку деятельности главы республики. Выше всего жители Абакана оценили работу главы города (занимал эту должность более 24 лет).

Вместе с тем в целом экономическая ситуация воспринимается как неустойчивая или даже крайне нестабильная, особенно среди населения моногородов. Вероятно поэтому ожидания относительно ближайшего будущего носят неопределённый характер (11–14% затруднились ответить на соответствующий вопрос). Почти каждый третий не испытывает уверенности в завтрашнем дне, каждый четвёртый не надеется на улучшение экономической ситуации. Несмотря на это, значительная часть опрошенных испытывает надежду на улучшение собственного материального положения (44,6% – в моногородах, 53,6% – в Абакане). Позитивные ожидания положительно коррелируют с уровнем материального достатка опрошенных (коэффициент корреляции по Пирсону 0,337**) (рис. 2).

Особенно отчётливы различия среди проживающих в моногородах: чем выше уровень материального достатка, тем больше оптимистично настроенных людей. Однако среди бедных жителей преобладают скорее реалистичные ожидания («всё останется прежним»). Жители Абакана настроены оптимистично, причём независимо от уровня своего материального положения: как среди обеспеченных, так и среди бедных преобладают те, кто надеется на улучшение своего материального положения в ближайшем будущем.

Рис. 2. Ожидания опрошенных относительно своего материального положения в разрезе групп с разным уровнем материального достатка, %

Источник: расчёты автора.

Регрессионный анализ показал, что у жителей моногородов Хакасии общий показатель социального самочувствия зависит от уровня дохода ($\beta = 0,278^*$) и материального достатка ($\beta = 0,264^*$); у жителей Абакана – от общего отношения к жизни ($\beta = 0,336^{**}$) и жилищных условий ($\beta = 0,281^*$). Другими словами, социальное самочувствие населения монотерриторий преимущественно обуславливается экономическими факторами, возможно, из-за сложной социально-экономической ситуации. Поскольку население регионально столицы находится в иных условиях, у них общее самочувствие прежде всего зависит от их общего отношения к жизни, но также связано с жилищными условиями, вероятно потому, что в столице жильё обходится «дорого».

Заключение

По мнению исследователей, в отличие от жителей мегаполисов, имеющих возможности проектирования долгосрочных жизненных стратегий, представители малых монопрофильных поселений ориентированы на защитные стратегии выживания [4, с. 21]. Несмотря на нестабильность социально-экономической ситуации в моногородах Хакасии, общий эмоциональ-

ный настрой у проживающего там населения достаточно позитивный. Признавая наличие острых проблем (безработица, упадок промышленного производства, низкий уровень жизни и т.д.), жители монотерриторий не выказывают явной неудовлетворённости, а скорее принимают имеющиеся условия как данность. При этом население не питает иллюзий по поводу ближайшего улучшения экономической ситуации, но надеется на положительные изменения в своей жизни. Вместе с тем только 16,1% опрошенных выразили готовность прилагать усилия для улучшения своей жизни. Возможно, в данном случае имеет место феномен «мечтательности» (надежды, не связанные с реальным стремлением изменить свою жизнь к лучшему [12, с. 100]), что можно расценивать как показатель глубокой пассивности и низкого социального самочувствия населения моногородов. Опасно, что эти настроения могут быть подхвачены, подогреты и использованы радикальными политическими силами для обострения социальных конфликтов [8, с. 18].

Список литературы

1. Андреев С.Ю. Анализ социального самочувствия сельских жителей Краснодарского края // Научный журнал КубГАУ. 2007. № 30 (6). С. 47–58.
2. Асланова А.О. Социальное самочувствие: измерительный инструментарий, показатели и социальные критерии // Теория и практика общественного развития. 2012. № 2. С. 59–63.
3. Белоножко М.Л., Барбаков О.М. Социальное самочувствие сельского населения северного региона России // Фундаментальные исследования. 2013. № 10-11. С. 2534–2538.
4. Ермолаев Т.С. Социальное самочувствие населения северных моногородов (на примере Нерюнгринской городской агломерации) // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2018. № 1. С. 21–26. <http://dx.doi.org/10.21603/2500-3372-2018-1-21-26>
5. Кашкина Л.В. Социальное самочувствие населения монопрофильного города // Арктика и Север. 2012. № 8. С. 43–48.
6. Крупец Я.Н. Социальное самочувствие как интегральный показатель адаптированности // Социологические исследования. 2003. № 4. С. 143–144.
7. Лебедева С.О., Пучкова М.О. Социальное самочувствие горожан как социологическая проблема // Материалы III международной научной студенческой конференции «Научный потенциал студенчества в XXI веке». Ставрополь, 2009. С. 34.
8. Маслова А.Н. Моногорода в России: проблемы и решения // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2011. Т. 4. № 5. С. 16–28.
9. Михайлова Л.И. Социальное самочувствие и восприятие будущего россиянами // Социологические исследования. 2010. № 3. С. 45–49.
10. Федотова Н.Е. Теоретические аспекты совместимости гипотезы Филлипса с российским рынком труда // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2009. № 4. С. 12–15.
11. Шавель С.А., Галич Л.П. Социальное самочувствие населения Беларуси и России: компаративный социологический анализ // Социология. 2012. № 1. С. 76–95.
12. Эфендиев А.Г., Болотина И.Л. Современное российское село: на переломе эпох и реформ. Опыт институционального анализа // Мир России. 2002. № 4. С. 83–125.

References

1. Andreev S.Yu. Analysis of Social Well-Being of Rural Dwellers of Krasnodar Region. *Nauchnyy zhurnal KubGAU* [Scientific Journal of KubSAU]. 2007. No. 30 (6). Pp. 47–58. (In Russian)
2. Aslanova A.O. Social Well-Being: Measuring Instruments, Indicators and Social Criteria. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and Practice of Social Development]. 2012. No. 2. Pp. 59–63. (In Russian)
3. Belonozhko M.L., Barbakov O.M. Social Well-Being of the Rural Population of a Northern Region of Russia. *Fundamental'nye issledovaniya* [Fundamental Research]. 2013. No. 10-11. Pp. 2534–2538. (In Russian)
4. Yermolayev T.S. Social Well-Being of the Population of Northern Monotowns (the Case of The Neryungri Urban Agglomeration). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sociologicheskie i ekonomicheskie nauki* [Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences]. 2018. No. 1. Pp. 21–26. <http://dx.doi.org/10.21603/2500-3372-2018-1-21-26> (In Russian)
5. Kashkina L.V. Social Well-Being of the Population of the Mono-specialized City. *Arktika i Sever* [Arctic and the North]. 2012. No. 8. Pp. 43–48. (In Russian)
6. Krupets Ya.N. Social Well-Being as an Integral Indicator of Adaptability. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. 2003. No. 4. Pp. 143–144. (In Russian)
7. Lebedeva S.O., Puchkova M.O. Social Well-Being of Citizens as a Sociological Problem. In: *Proceedings of the III International Scientific Student Conference «Scientific Potential of Students in the XXI Century»*. Stavropol', 2009. P. 34. (In Russian)
8. Maslova A.N. Monocities in Russia: Problems and Solutions. *Problemy analiz i gosudarstvenno-upravlencheskoe proektirovanie* [Problem Analysis and Public Management Design]. 2011. Vol. 4. No. 5. Pp. 16–28. (In Russian)
9. Mikhailova L.I. Social Moods and Reception of Future by Russians. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. 2010. No 3. Pp. 45–49. (In Russian)
10. Fedotova N.E. Theoretical Aspects of Phillips Hypothesis' Compatibility with Russian Labour Market. *Izvestiya Irkutskoj gosudarstvennoj ekonomicheskoy akademii* [Bulletin of Irkutsk State Economics University]. 2009. No. 4. Pp. 12–15. (In Russian)
11. Savel S.A., Galich L.P. Social Well-Being of the Population of Belarus and Russia: Comparative Sociological Analysis. *Sociologiya* [Sociology]. 2012. No. 1. Pp. 76–95. (In Russian)
12. Efendiev A.G., Bolotina I.L. Contemporary Russian Village: At the Turning Point of Epochs and Reforms. The Experience of Institutional Analysis. *Mir Rossii* [Universe of Russia]. 2002. Vol. 11. No. 4. Pp. 83–125. (In Russian)

■ ■ ■
Для цитирования:

Лушникова О.Л. Монопрофильные территории Хакасии: социальное самочувствие населения // Регионалистика. 2020. Т. 7. № 4. С. 53–61. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2020.4.53>

For citing:

Lushnikova O.L. Single-Industry Towns of Khakassia: Social Well-Being of the Population. *Regionalistica* [Regionalistics]. 2020. Vol. 7. No. 4. Pp. 53–61. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2020.4.53> (In Russian)